

КУЛЬТУРА

1899 - 1990 - 6 мая
 К 150-летию со дня рождения П. И. Чайковского

ШЕДЕВРЫ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

«ЩЕЛКУНЧИКУ» сегодня 98 лет. «Иоланте» — 99. «Пиновой даме» — 100. На год старше «Спящая красавица», на три — «Чародейка». 112 лет «Евгению Онегину», 114 — «Лебединому озеру», 122 — «Воеводе», самой первой опере, уничтоженной, увы, недовольным собой композитором. Возраст концертов, симфоний и бесчисленных его романсов колеблется в тех же пределах. Эти пределы — почти вся жизнь Чайковского. Жизнь у рояля. Многие ее годы прожиты в Клину. Чайковский всегда помнил Воткинск, где родился, всегда любил Москву, где много работал, всегда стремился в Петербург, где учился и испробовал славы. Но признавался, когда речь заходила про Клин: «Не могу себя представить в другом месте... Не могу изобразить, до чего обаятельна для меня русская деревня, русский пейзаж и эта тишина, в коей я всего более нуждаюсь».

Любимое его время года — весна. Любимый цветок — ландыш. Любимый пейзаж — зимний. Любимая сторона — русская. «Я еще не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь... Любимое московское гулянье — в Сокольниках. Любимые творенья — эскизы, начала музыки. Любимая игра — на рояле, в четыре руки. Любимые композиторы — Моцарт и Глинка. «Тем, что посвятил свою жизнь музыке, я обязан Моцарту». «Наверное, никто более меня не ценит и не любит музыку Глинки». Любимый его музыкант — Антон Рубинштейн. Он же — любимый учитель. Любимый ученик — Сергей Танеев. Любимая симфония — Шестая, последняя, написанная в Клину... Любимое место в доме — балкон. Любимые люди — дети.

Пожалуй, про все это я узнал из писем. А их нам, потомкам, досталось много: Чайковский их сочинял по три десятка на день! В письмах, как и в музы-

ке, Чайковский увековечивал себя.

«Мое время впереди, — писал он, — до такой степени впереди, что я не дожусь его при жизни». Какого времени, каких слушателей будущего он ждал? Я чувствую упрек в его словах. И, кажется мне, этот упрек относится к нам. В театре танцуют Чайковского большей частью — для туристов. Оперные его труды редко привлекают нынешних постановщиков. Любимые его люди — дети — порой взрослеют, так и не узнав о его любви...

Но я часто задумывался, как же обворочение им все-таки происходит и будет происходить вечно? И пришел к выводу, что созданное Чайковским сродни собранию Эрмитажа. В нем для каждого найдется обязательно свой особый уголок и свой шедевр. И произойдет это не всегда с пробуждением спящей красавицы и даже не со смертью лебедь-птицы, а, быть может, далеко-далеко от ramпы и театрального зала, в какой-то неведомый час. Кажется, так было со мной.

Лет тридцать назад, на Алтае, в археологической экспедиции, ленинградский профессор Соколов устроил нам концерт церковной музыки. Запел сам да заставил скоро и нас всех подпе-

вать ему. После концерта профессор сказал, что это была за музыка — «Литургия» Чайковского. С той поры 8 ноября в бывшей церкви Преображенского полка у Литейного проспекта в Ленинграде я не раз встречал обитателей нашей алтайской палатки. В этот день в церкви исполнялась «Литургия» Чайковского. А потом еще 19 ноября, в день его памяти, концерт повторялся в Александро-Невской лавре, где он похоронен.

Нынче такое пение украшает и светские залы. Например, на днях, сразу после заседания партийной конференции, коммунисты-делегаты поспешили в Смольный собор на концерт духовной музыки. Такого никто из живущих нынче до сей поры не видел...

В доме Чайковского в Клину все осталось, как в дни его жизни. Этим мы обязаны слуге композитора Алексею Софронову — запасному ефрейтору из крестьян. Все движимое имущество Чайковский оставил ему. Только Алексей ничего не взял, не распродав, а все сохранил. И обстановку дома, и беккеровский рояль. И даже личные свои деньги вложил, чтобы выкупить дом для музея. А умер Алексей тут же в Клину, недалеко от хозяйского дома, до последнего дня наблюдая за порядком в нем. Я знаю историю многих церквей, которые уже без священников, но все еще сохраняли целостность, пока не помирал последний сторож... Как тут не вспомнить няню и дядьку Пушкина, дядьку Радищева да многих других дядек, что выхаживали своих господ, зная отменно, кому служат. И Алексей знал, что — великому человеку. И не рабами эти слуги были — радетелями и хранителями отечественных Платонов и Невтонов... А история Алексея Софронова прибавляет к портрету моего любимого композитора еще более красоты и святости...

М. БЕЛОУСОВ.
 [Соб. корр. «Труда»].

ЛЕНИНГРАД.